с молодым, даровитым и высокоинтеллигентным деятелем, о котором я упомянул вначале, – беседа, произведшая на меня прямо дикое впечатление. Дай Бог, чтобы моя тревога оказалась просто неосновательной, охотников до уничтожения памятников окажется так мало, что действительно не стоило и говорить о грозящей им опасности. Но ведь вспоминаю еще: могла же при Союзе деятелей искусства[186] образоваться целая «комиссия уничтожения памятников», да и вообще мало ли что не взбредет нашему вконец расхворавшемуся и обезумевшему времени!

Г.В. Плеханов

Как же быть?[187]

1917, ранее 5 (18) июля

В нашей революционной демократии есть меньшинство, которому присвоено название фракции большевиков. Название это неправильно, потому что, к счастью, далеко не все большевики одобряют нынешнюю тактику указанного меньшинства. Оно состоит собственно из сторонников Ленина. По этой причине ему больше приличествует название *ленинской* фракции. Впрочем, дело в не названии: каким бы именем мы ни окрестили фиалку, она сохранит свой прежний запах. Сохранит свой запах и то меньшинство, о котором здесь идет у меня речь, как бы мы его ни назвали. Его запах весьма своеобразен. Когда еще не была – к величайшему вреду для русского революционного движения – разрушена организация Российской с[оциал]-д[емократической] р[абочей] партии, сторонники Ленина делались самыми убежденными и решительными проповедниками дисциплины всякий раз, когда оказывались в большинстве. Тогда они настойчиво требовали, чтобы меньшинство точно исполняло все решения, принимавшиеся на наших партийных съездах. Малейшее уклонение не только от духа, но и от буквы этих решений клеймилось ими, как анархизм. Но как только сами они становились меньшинством, происходила

186 Союз деятелей искусства – общественное объединение, образовано в марте 1917 г. по инициативе Общества архитекторов-художников, объединял около 200 художественных учреждений, обществ и групп.

187 Публикуется по: Единство. 1917. № 81. 5 июля. Республиковано: Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1921. Т. 2. С. 17–19.

немедленная перемена декораций. Ленинцы переставали уважать волю большинства и вели себя, как самые заправские анархисты.

Так было раньше, когда мы вынуждены были жить в революционном «подполье», и то же самое происходит теперь на глазах у всей России.

Хотя сторонники Ленина составляют меньшинство в нашей революционной демократии, которая отвергает их тактику, однако это не препятствует им твердо держаться своих тактических приемов и время от времени делать попытки приобретения господства посредством вооруженных манифестаций.

До сих пор попытки эти оставались безуспешными.

Но, во-первых, оставаясь безуспешными, они вовсе не проходили бесследно. Они внушали ужас населению и тем самым рождали в нем недоверие к революционному правительству, а следовательно, и к революции. Но что такое *недоверие к революции*, если не *контрреволюционное настроение*?

Во-вторых, кто поручится нам за то, что одна из вооруженных манифестаций, организуемых ленинцами, не увенчается успехом?

За это никак нельзя поручиться по той вполне достаточной причине, что вооруженное меньшинство без большого труда может справиться с невооруженным большинством. По правде сказать, еще неизвестно, чем кончатся волнения, происходящие в Петрограде в то время, когда я пишу эти строки, и вызванные, разумеется, теми же ленинцами. Но будем надеяться, что Временное правительство сумеет совладать с ними, и спросим себя: неужели волнения эти ничему не научат нашу революционную демократию в лице ее большинства? Казалось бы, что они высоко поучительны. В самом деле, посмотрите *и послушайте*.

Ленинцы кричат: «Вся власть Советам рабочих, солдатских и батрацких депутатов!» Но разве они считаются с волей Петроградского Совета? Нет, они считаются только со своими собственными решениями. Разве уважают они волю Центрального Комитета, выбранного Всероссийским съездом Советов р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]? Нет, они уважают только свои собственные центральные учреждения и повинуются только лозунгам, оттуда исходящим.

Большинство революционной демократии в их глазах представляет собой лишь силу, сопротивление которой им нужно преодолеть, чтобы прийти к своей цели. И они стараются преодолеть ее решительно всеми зависящими от них средствами.

Они делают вид, что добиваются только устранения из Временного правительства «министров-капиталистов». Но участие «министров-капиталистов» во Временном правительстве вполне согласно с волей большинства революционной демократии. Большинство это убеждено, что требуемая Лениным диктатура пролетариата и крестьянства была бы большим несчастьем для нашей страны, так как при нынешних условиях она породила бы анархию, за которой очень быстро последовала бы контрреволюция. Значит, направляя против министров-капиталистов свои ружья и пулеметы, сторонники Ленина целят собственно в тактику революционного большинства. Без всякого сомнения, тактика эта оставила бы о себе одно воспоминание, если бы ленинцы сумели навязать нашей революционной демократии отказ от идеи коалиционного правительства.

Ленинцы не отступают перед междоусобием в рядах революционной демократии. Да что там «не отступают»! Они прямо вызывают его. Как же быть?

Перспектива гражданской войны должна приводить в содрогание каждого сознательного революционера наших дней. Гражданская война – значит, умножить шансы контрреволюции. Поэтому превосходно делало большинство революционной демократии, всеми силами стараясь предупредить ее.

Этим оно исполнило свой долг перед рабочим классом и перед всей страной. Но «когда вино налито, его надо пить» – говорят французы. Когда сторонники Ленина начинают гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицию и свое правительство. А когда на эту позицию и на это правительство предпринимается вооруженное нападение, тогда нельзя довольствоваться добрыми советами по части общественного спокойствия и хорошими речами о выгодах общественной тишины. Оружие критики становиться бессильным там, где начинается критика посредством оружия.

Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России годину! И горе тем, которые не умеют ответить насильникам ничем, кроме хороших слов!

На кого *нападают*, тот не может не *защищаться*, если верит в правоту своего дела.